

УДК 811.111:791

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ
АГРЕГИРОВАННЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
В ДРАМЕДИИ «СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ»
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫХ ЕДИНИЦ)**

Гайданка Д.В.

Поскольку в основе лингвокреативности лежат не только художественно-эстетические принципы, но и сложные мыслительные процессы, в статье рассматривается когнитивная природа окказиональных композитов через призму неразрывного комплекса метаконтекста, мышления, языка и речи. Интерпретация информационной нагрузки окказиональных лексических единиц (ОЛЕ) в кинодискурсе основана на совместном репозитории знаний – точках пересечения социокультурного контекста, фоновых знаний и ассоциативно-ценностных характеристик коллективного адресата и адресанта. Раскрытие лингвокогнитивной нагрузки ОЛЕ основано на комплексе когнитивных процессов в такой последовательности: когнитивная процедура → когнитивная процедура → когнитивный механизм, позволяющем смоделировать алгоритм лингвокогнитивного конструирования значения соответствующих ОЛЕ.

Ключевые слова: агрегированные способы окказионального словообразования, окказиональные композитные единицы, лингвокогнитивное конструирование значения, когнитивная процедура, когнитивная операция, когнитивный механизм.

**LINGUO-COGNITIVE CONSTRUCTION
OF AGGREGATED COMPOUND NONCE WORDS'
MEANING IN THE DRAMEDY “SEX AND THE CITY”**

Haydanka D.V.

Since lexical creativity relies not merely on artistic and aesthetic principles, but rather on complex cognitive processes, the article highlights cognitive nature of

nonce formation as an integral component of a complex unity, being metacontext, cognition, language and speech. The interpretation of nonce words is based on the shared knowledge phenomenon that is tangency points of interlocutors' sociocultural background knowledge and sets of their associations and values. In order to reveal the nonce compounds' informational load the author suggests to employ the following method: cognitive procedure → cognitive operation → cognitive mechanism that enabled to the model of linguo-cognitive meaning construction of the relevant compound nonce words.

Keywords: aggregated nonce formation types, compound nonce words, linguo-cognitive meaning construction, cognitive procedure, cognitive operation, cognitive mechanism.

С позиций когнитивной семантики окказиональные лексические единицы (далее – ОЛЕ) содержат фрагменты или кванты информации, раскрывая, таким образом, индивидуально-авторское осмысление действительности. Таким образом, можно утверждать, что лингвокогнитивная парадигма вышла за рамки рассмотрения системности / несистемности внутренней организации окказионального словообразования, сместив акцент на неразрывность мышления, речи и действительности. Окказиональная единица рассматривается как носитель прототипной категории, объединяющая сетку существующих и возможных смысловых проекций единицы на основе спектра энциклопедических знаний и социокультурных контекстов.

В лингвокогнитивной парадигме агрегированное окказиональное словообразование рассматривается как продуктивный механизм создания ОЛЕ, который предусматривает наращивание смыслов и квантов нового знания [3; 4; 5; 6], основываясь на лингвокогнитивной процедуре комбинации [6].

Опираясь на классификации С. Улуханова [8], И. Плег [22], П. Гогенгауса [15; 16; 17] и Р. Бенчес [13], выделим такие типы агрегированных композитных ОЛЕ, выделенных из окказионально-маркированных контекстов (далее – ОМК) драмедии «Секс в большом городе» (далее – «СБГ»):

1) **Аддитивные эндоцентричные** («простые» [6] или «правоядровые» [21; 22] композиты, ядро которых занимает последнюю позицию и выражено существительным):

→ правоядровые эндоцентричные композиты по моделям: **NN** (*clam-mouth, godmother-material, impulse-purchase*), **VN** (*cry-baby, amuse-bouche*), **AdjN** (*power-lesbian, gay-rumour, cool gal*);

→ автономазионные композиты по модели **ProperNN** (*Aidan-hour', Trey-talk, Manolos-obsession*);

→ анафорические композиты с ядровым компонентом *thing* по модели **NN** (*Charlotte thing, first-date-curse thing*);

→ неоклассические композиты, по модели **NN** (*retro relationship*) с греческим или латинским элементом;

→ копулятивные композиты по моделям: **NN** (*transgender-hooker*) и **NNN** (*model-hustler-junkie*), для которых характерны отсутствие информационного ядра и семантически равные компоненты [22, p. 187];

→ редуплицированные композиты с двумя или больше идентичными компонентами по модели **NN** (*pain-pain, girl-girl*);

2) аддитивные экзоцентричные композиты, ядро которых выражено прилагательным или глаголом по моделям: **NAdj** (*lover-ready, crush-proof*) и **NV** (*pool hang, shoe-shame*);

3) голофразис (*don't worry-you'll-find-someone looks*);

4) композитные окказиональные единицы смешанного типа («сложнопроизводные образования» [6]):

→ **отвербальные композиты**:

→ герундиальные композиты по модели: **NVing** (*bar-hopping*);

→ партиципиальные композиты по моделям: **NVing** (*bodice-ripping, funky-tasting*) и **NVed** (*big-boobed bitch, well-heeled socialite*);

→ **парасинтетические композиты**, содержащие два корневых компонента и деривационный суффикс по модели **NN+суф** (*core-shaker, tongue-thruster*);

Все виды композитов аддитивного и смешанного типов условно состоят из ядра – генеративного компонента и собственно референта или носителя признака, обозначающего определенный подвид денотата [12; 21; 23]. Оба компонента являются носителями кванта знания (Nq, Vq, Adj_q), что образуют новое информационное пространство (QnN, QnV, QnADJ). На основе проведенного анализа в драмедии «СБГ» репрезентативным типом словосложения оказались «правоядровые эндоцентричные композиты» [21, p. 376; 22, p. 186], представлены тремя основными моделями: **NN** [22, p. 186]: *sex-sheet, purse-party, sex-sprain, date-guru: No, it's not him, it's me. I'm missing the bride-gene. I should be put in a test tube and studied* [24]; **VN** (*plaything, gotta-talk-girl* ‘, *amuse-bouche*) и **AdjN** (*uniball, cocoa butter bitch, Euro intellectual, Euro trash, late run*): *Trey sees you as his virginal wife, not as sexual plaything* [24]. – *We have plans for Saturday. – How about a late-run? I'll call you. What is this late-run? – Doesn't translate* [24].

Однако значение эндоцентричных окказиональных композитов является контекстуально-обусловленным и раскрывается в контексте, как, например, в эпизоде 17 четвертого сезона “A Vogue Idea”: – *Come on, cookie, you're no quitter. And we get to work on this together. What do you say? – Why are you being so sweet? – Martini-guilt* [24]. Героиня Керри не может понять нетипичного поведения шеф-редактора журнала «Вог» Энид, которая обычно относится к Керри строго и скептически. Энид в респонсионной реплике использует композит *Martini-guilt*, намекая, что сильно перебрала мартини накануне и сегодня ее мучает оправданное чувство вины.

Группа антономазионных композитов, образованных по модели PropN_q + N_q = QnN, где атрибутивным компонентом является имя или прозвище человека (*Berger-date, Debbie-cake, Big-affair, Smith-rumour, Katie-girl, Big-fight*). В их основе – процедура юкстапозиции [6], что заключается в приращении определенного фрагмента знания для обозначения референта. Такие окказиональные композиты основываются на гипонимичных взаимоотношениях между конституантами [13, p. 2].

Часто образование номинативных эндоцентричных композитов обусловлено когнитивным механизмом ухудшения или улучшения значения, например композит *bag lady*, образованный по модели существительного мужского рода *bag man* «бездомный» [11], однако контекст объясняет, что Керри называет себя «бездомной», но и одновременно «женщиной, без ума от сумочек бренда Фенди»: “*He’s asking you to buy your apartment for the exact price he paid, or you can vacate and he’ll sell it. Vacate? I’m homeless. I’ll be a bag lady, but a Fendi – bag lady, a bag lady” [24]. Керри отмечает, что не может оплатить квартирную ренту, поэтому станет бездомной, однако будет обладать чрезвычайно дорогой сумкой Фенди, то есть происходит амелиоризация значения первичного существительного.*

Среди эндоцентричных композитных ОЛЕ в исследуемой драмедии отметим группу «фальшивых или анафорических композитов» (*dummy compounds*) [16, p. 19], образованных по модели $N_q + N_{empty} = Q_n N$, что состоят из «пустой проформы», выраженной существительным *thing* и другого субстантивного конституэнта, заимствованного из предыдущего или последующего контекста. «Фальшивые композиты» являются широко распространенными в кинодиалогах, поскольку создают иллюзию естественного разговора, например: *Look, I need to talk to you about this whole Miranda thing* [24].

Редупликация оказалась относительно продуктивным способом ocasionального словообразования в драмедии «СБГ». Анализ структуры редуплицированных ОЛЕ продемонстрировал случаи полной редупликации (абсолютной идентичности повторяющихся компонентов) и частичной редупликации с изменением или корневого гласного (*yip-yap, zsa-zsa-zsu*), или согласного путем добавления аффикса, слога или инициальной буквенной комбинации *sch-*, например: *vagina-schmagina, coulda-woulda-shoulda*.

Среди рассматриваемых редуплицированных ocasionальных единиц выделяем, на основе классификации Р. Кверка [9], пять семантико-категориальных видов:

1. Звукоимитирующие редуплицированные ОЛЕ (*poof-poof, phew-phew*) – двухкомпонентные единицы, что в ОМК применяются как база для дальнейшего словообразования с последующей конверсией, например: – *In case rapists come in my bedroom window I see them in the mirror and then, phew-phew, I'm gone. – There's a whole lot of phew-phewing going on in that bathroom* [24].

2. Редуплицированные окказиональные единицы для обозначения периодического и поочередного движения (иногда с изменением корневого гласного: *zsa-zsa-zsew, yip-yap*): – *How do you sustain a relationship without the zsa-zsa-zsu? – The what? – That butterflies-in-your-stomach thing that happens when you not only love the person, but you gotta have them* [24].

3. Оценочные редуплицированные окказиональные единицы, предусматривающие усиление, интенсификацию мелиоративного или пейоративного значения. При передаче мелиоративного значения интересными образованиями оказались двухкомпонентные редуплицированные ОЛЕ с двумя идентичными компонентами + уменьшительный суффикс *-y/-ie* (*Cutie-cute*) [24] и трехкомпонентные редуплицированные ОЛЕ, первый и последний компонент которых повторяется, а ко второму добавляется уменьшительный суффикс (*drunk-drunkety-drunk*) [24]. Такие «экспрессивно-эмоциональные образования» [6, с. 158] обычно выражают энтузиазм и восторг одного из собеседников или общий комизм ситуации, например: *Meanwhile, I was finally confident I could heat up my sex life. Because I was a sex-columnist. I was resourceful. And I was drunk-drunkety-drunk* [24]. При передаче пейоративного значения редуплицированные ОЛЕ выражают пренебрежение, умаление качества (*puh-puh-puh* "бе-бе-бе" [24]) в ответ на инициальную реплику, что буквально означает «нонсенс, бессмыслица»; выражая осуждение, неодобрение, недовольство, критику (*Judith Bitchy-Mc-Bitch* – шутливое искажение имени Judith McBain, известной своенравным характером [24]), например: *All we ever do is lie around, take baths together and talk about feelings. I think they call that a relationship. <...> All that emotional chow-chow. It's exhausting* [24]. Следует отметить, что в диалогической речи оба значения (мелиоративное и

пейоративное) могут актуализироваться в одном ОМК, например: – *Big news. I have a star interested. Guess who. – I'm done guessing. – Matthew McConaughey. We're meeting him tomorrow at 3:00. Hot-hotty-hot. Meanwhile back In New York, Charlotte was dealing with a bed that was still cold-coldy-cold* [24].

4. Редуплицированные ОЛЕ, имитирующие детскую болтовню (аффекционативы, диминутивы: *gina-wina, Mister-Mister*), как, например, в эпизоде “Babytalk is Cheap”, где герой Уоррена применяет детскую речь для обозначения половых органов Саманты: *As a lover, Warren was fantastic, but as a communication strategist, he made one major mistake. – Samantha, does your 'gina-wina want a widdle visit from my Mister-Mister? Samantha, I wuv your titty-witties!* [24]. В то же время, редуплицированные ОЛЕ для имитации детской речи есть эвфемизмами, то есть персонажи драмедии шутливо обыгрывают понятие, которое считается неприличным или неприемлемым, не называя его: – *Ha, ha, it's so funny. My vagina's depressed. – I'm fine but Charlotte maybe your hu-hu would like an order of fries? I guess not. Thank you* [24].

5. Рифмованные редуплицированные ОЛЕ (*cock-talk, coulda-shoulda-woulda, judgey-wudgey*). Встречается даже один случай sch-редупликации, в соответствии с которой, как в языке идиш, второй компонент используется с инициальным буквосочетанием sch- (*vagina-schmagina*). Применение рифмованных окказиональных единиц характеризует спонтанные коммуникативные ситуации, и свидетельствует о шутливом, даже ироническом, настрое собеседников, например: – *In never-never land where people confuse a lack of talent with charm Miranda hated how he ordered her around <...>. – Back to never-never Land. And by the way, never-never call me again* [24].

6. Редуплицированные композиты с идентичными конституэнтами [17, р. 367] (*pain-pains, girl-girl, Lauren-Lauren*). В структуре таких композитных единиц первый компонент интенсифицирует значение ядра. В исследуемом материале редуплицированные композиты созданы по таким прототипным моделям: $Nq + id.cNq = NN = \text{настоящий / реальный } N$; $Adjq + id.cAdjq = AdjAdj = \text{полностью, абсолютно } Adj$, например: – *Hey. I really like this wall color. –*

Yeah. I can't take credit for that. That's Lauren. – Ralph Lauren? – No. Lauren-Lauren. My ex-girlfriend. She was the decorator [24].

Аддитивные экзоцентричные композиты классифицируют [12; 22] как поссессивные композиты, поскольку они характеризуют лицо, обладающее определенным признаком, обозначаемое неядровым компонентом сложного существительного [10] (*lightning-quick, relationship-savvy, day-old, romance-intolerant, baby-proof*). Такой вид композитов, в отличие от эндоцентричных, не основывается на гипонимичных связях между компонентами, а скорее на метонимии [25].

Аддитивные экзоцентричные композитные ОЛЕ по модели NAdj с ядровым элементом, выраженным прилагательным, насчитывают 28 ОЛЕ. Отметим разновидность сложных прилагательных NAdj, образованную по моделям: $Nq + Adjq = QnAdj$; $Vq + Adjq = QnAdj$ с ядровым формантом -free и -friendly, что более характерно для спонтанной диалогической речи благодаря тенденции к конденсации формы и увеличению информационной нагрузки. Такие окказиональные прилагательные можно перефразировать как конструкции “free of ...” и “friendly to, not causing inconveniences to ...”: – *Later that night, I couldn't help but wonder, when the hell did dating become so dump-friendly?* [24].

Количественные показатели экзоцентричных композитов, образованных по модели NV / AdjV, иллюстрируют невысокую производительность, что составляет около 3% (*power lunch, shoe shop*).

В исследуемой драмедии обнаружено незначительное количество экзоцентричных композитов по модели NN (2%), основанных на метафорически-метонимичных взаимоотношениях между элементами. Р. Бенчес [цит. по: 13] выделяет три типа таких связей: 1) основанные на синекдохе, например, *half-the-perfume-ads – perfume-ads* [24] обозначает «моделей, представляющих бренды духов в рекламных кампаниях», в соответствии применена синекдоха – представление целого его частью; 2) основанные на метафоре, например, *dick-candles* «свечи соответствующей

формы» [24]; 3), основанные на метонимии, например, *Nosegu*, то есть отоларинголог [24], *Knicksman* «человек, носящий спортивную обувь Knicks», *Guccigu* «парень из рекламы Гуччи».

Среди композитных ОЛЕ с необычным (оказиональным) смысловым наполнением голофрастические конструкции оказались достаточно продуктивным способом оказионального агрегированного словообразования (261 ОЛЕ, что составляет 18%).

По своей структуре голофрастические ОЛЕ в рассматриваемом корпусе можно типологизировать в зависимости от образующей основы.

1. Образованные от предложения, которое классифицируется по ряду критериев:

→ по цели высказывания и характеру отношения к изображаемой действительности:

а) повествовательные утвердительные: – *And the chef and proud owner of Fusion, a restaurant whose specialty was a mingling of trendy food with soul food. Martha-Stewart-meets-Puff-Daddy-on-a-plate* [24];

б) повествовательные отрицательные: – *Samantha did something only Samantha could do. She threw an l-don't-have-a-baby shower <...> to let everyone know she was fabulous* [24];

в) вопросительные: – *He's standing there giving me the “what's-the-big-problem?” eyes. I don't understand, like it's my problem* [24];

г) восклицательные: – *Linda Fiorentino fucking that guy up against the chain link fence. – And never having one of those “Oh-my-god.-What-have-I-done?” epiphanies* [24];

д) повелительные: – *Guess what? The guest book person is also the put-the-gifts-in-the-van person* [24];

→ по количеству предикативных единиц и типу связи:

а) простые: – *You know, I have to be honest. I'm not sure I really believe in therapy. I'm more of a “solve-your-own-problems” kind of gal* [24];

б) сложные, сложносочиненные: – *Miranda we're the only single people anywhere. – Are you telling me that you didn't see all those Don't-worry-and-you'll-find-someone looks?* [24];

в) сложные, сложноподчиненные: – *How much do you like him? – A lot. “Dating-a-few-months-until-somebody-better-comes-along” a lot or “marrying-and-moving-to-East Hampton” a lot?* [24];

2. Образованные от **словосочетания** с различными типами связей, а также от идиоматических выражений:

а) словосочетание сочиненного типа: – *As we took a swig from our pony-necked beers <...> I remembered another type of twenty-something guy. – So, what's it like to kiss with that thing in? – “The really good kisser” guy* [24];

б) словосочетание подчиненного типа: – *Later that week, I brought “the single ladies coalition to elect Bill Kelley” to a fundraiser* [24]; – *I missed you guys. – Us? – The pathetic, live-for-the-moment New York single girls <...>.who think that life is a Jacqueline Susann novel?* [24].

По **лексико-семантическим** характеристикам **оказиональные** голофрастические единицы доступны для слушателя или зрителя, поэтому не требуют более развернутого контекста для толкования их значения. Их интерпретация осуществляется при помощи сопоставления оппозиций, то есть готовых голофрастических конструкций с соотносительными аналогами в виде синтагм и синтаксических конструкций “*poor single you*” looks [24] = looks that express pity and say “*Poor single you!*”

В соответствии с их лексико-грамматическими особенностями голофрастические конструкции в исследуемом материале представлены двумя видами категориального значения: 1) номинативные единицы, передающие значение предметности: *The Man-With-No-Soul* [24]; и 2) адъективные единицы со значением качества и непроцессуального определения: “*poor single you*” looks [24]. Соответственно, семантический анализ адъективных голофрастических конструкций в исследуемом материале позволил выделить следующие

категориально-семантические модели (вслед за А. Пономаревой [7]), обозначающие:

а) характеристики и качество явления: *the-sex-on the-first-date curse* [24], *impossible-to-get-into restaurants* [24];

б) способ или манеру действия: *eager-to-please-do-what-l-tell-you-to sex* [24], “*one-man-at-a-time*” *pattern* [24];

в) аллюзию (импликатуру) на произведения искусства, литературы, известных персонажей фильмов и собственно сами названия фильмов:

→ без изменения компонентов: *Some-Like-it-Hot* [24] – аллюзия на культовую ленту «В джазе только девушки»: *And just like that, we went from Some-Like-It-Hot to Some-Like-Us-Not*);

→ с изменением компонентов с целью создания шуточного эффекта: *Much-Ado-About-Up-My Ass and Long-Day's-Journey-Up-My-Ass* [24] – аллюзии на комедию Шекспира “*Much Ado about Nothing*” / «Много шума из ничего» и драму Ю. О'Нила “*Long Day's Journey into the Night*” / «Долгий день переходит в ночь»; *Crouched-Charlotte-hidden-hammer* – аллюзия на фильм “*Crouching Tiger, Hidden Dragon*” / «Крадущийся тигр, прячущийся дракон»: – *Trey and I made out in the movies. – That is retro. – That's not all we did. In the middle of the movie, I gave him a blow job, in the theatre. – Wow, Crouched-Charlotte-hidden-hammer* [24]. Интерпретация скрытого содержания таких лексических образований возможна благодаря контекстуальному и интертекстуальному анализу.

Во многих случаях в составе голофрастических единиц представлена ненормативная лексика (*stick-up-his-ass preppy* [24], *Richard's-A-Prick day* [24], *I-hope-that-fucker-doesn't-break-my-heart-again diamond* [24]). Нецензурные компоненты, как правило, лишены лексического значения и функционируют как экспрессивные прагматические маркеры, которые выражают отношение говорящего к действительности и преимущественно передают эмоциональный настрой говорящего. Кроме того, большое количество обценной лексики является индикатором разговорного стиля. По результатам анализа, голофразис

является высокопроизводительным способом окказионального словообразования в драмедии «СБГ», поскольку драмедия – чрезвычайно благоприятная среда для возникновения голофрастических конструкций, ведь она основывается на паттернах живой речи, где четко прослеживаются тенденции к конденсированию формы на фоне увеличения информационной мощности.

Композитные единицы смешанного типа представлены отвербальными и парасинтетическими единицами.

Отвербальные композиты [13], или «окказиональные сложнопроизводные образования» [6, с. 98], составляют 11% всех ОЛЕ. Самыми частыми являются герундиальные композиты, ядровой компонент которых – производное от глагола NVing, NVen, NVed. По количественным подсчетам продуктивными являются модели $N_q + V_q + gr\ suf -ed = Q_nAdj$ и $N_q + V_q + gr\ suf -ing = Q_nAd$. Партиципиальные композиты, представляющие причастия настоящего или прошедшего времени, где неядровой первый компонент специфицирует значение ядрового, образованные по моделям: $N_q / Adj_q + V_q + gr\ suf -ed = Q_nAdj$ (*cashmere-swaddled proof, marabou-covered Samantha, best-laid plan, sun-filled room*) $N_q / Adj_q + V_q + gr\ suf -ing = Q_nAdj$: *finger-licking, mind-altering*. Относительно продуктивными оказались адъективных композиты с ядровым конституенты *-looking: sex-looking, Jennifer-Lopez-looking*. Такие композитные единицы является экспресемами [1], ведь выражают дополнительную экспрессивную нагрузку.

Партиципиальные композитные ОЛЕ предоставляют формальное обрамление отпроцессуальным явлениям. В когнитивном плане внутренние межкомпонентные связи в композитах данной модели основаны на отношении комплементарности [3; 4; 5] (значение ядрового отвербального компонента уточняется номинативным компонентом) по модели: $N_q + V_q + gr\ suf -ing = Q_nN$ (*art-talking, agenda-pushing, tea-bagging, soul-searching*). Например, в диалоге эпизода “The Catch” Саманта и Кэрри дискутируют о различных видах свиданий. Керри жалуется, что роман продолжительностью в несколько

свиданий – это не настоящий роман, описывая такие ухаживания отвербальным композитом *expiration-dating* (процесс ухаживаний с просроченным сроком действия): – *He was funny and cute. – And in town for a week. – <...>That is the point. It's the best possible scenario. – But it's like whatever happens, there's an expiration-dating. – It isn't dating. It's sex* [24].

Парасинтетические композиты содержат минимум две корневые морфемы и деривационный суффикс по модели $Nq + Vq + suf -er = QnN$. Самыми продуктивными являются ОЛЕ, образованные по указанной модели с суффиксом *-er*, (*hand-holder, party-pooper, singles-mixer*). Такие ОЛЕ, как правило, образуются от словосочетания в предыдущей реплике (диалогическая речь) или предыдущем контексте (монологическая речь) и предусматривают «структурно-семантические отношения сказуемое-дополнение» [6, с. 99]: – *And that phrase “great love”, what does it even mean? It means a love that changes you, that shakes you to your core after which you're never the same. How many great loves have you had? – Zero. – Really? What about Steve? – Steve's a friend, not a core-shaker* [24]. В приведенном диалоге между Мирандой и Шарлотт последняя спрашивает, пережила ли Миранда настоящую любовь, что «всколыхнула ее душу» (*shakes you to your core*), чем инициирует реплику с *core-shaker* («душеколыхатель»), образованным от глагольного словосочетания *shakes you to your core* по модели $Nq + Nq + suf -er = QnN$.

Итак, характерной чертой всех типов композитов в драмедии «СБГ» является динамическое единство мощной смысловой нагрузки и сконденсированной формы, а речевые паттерны драмедии, приближенные к разговорной речи, часто оказывают толчок к возникновению новых ОЛЕ, как правило, конверсивов и единиц, образованных по аналогии, так как сама форма сложного слова становится основой для дальнейшего окказионального словообразования. Поскольку эндоцентричные композиты представляют самую многочисленную группу окказиональных композитов исследуемого корпуса, представляется справедливым утверждать, что окказиональное

словообразование в драмедии «СБГ» имеет номинативный характер и передает аксиологическое отношение говорящего к объекту номинации или дескрипции.

Интерпретация семантики ОЛЕ в современном англоязычном кинодискурсе основывается на совокупности когнитивных инструментов, которые вслед за представителями отечественной (Е. Бойко [2], В. Бялик [3; 4; 5], К. Никитченко [6] и западной (Дж. Лакофф, М. Тернер [19], С. Кевечеш [18], Р. Ленекер [20]) школ когнитологии рассматриваем как структурированную иерархию действий в процессе создания ОЛЕ. Предложенный К. Никитченко [6] алгоритм окказионального словообразования можно представить следующим образом: *когнитивная процедура* → *когнитивная операция* → *когнитивный механизм*, где *когнитивная процедура* предусматривает применение последовательности когнитивных операций в процессе создания ОЛЕ, *когнитивная операция* обозначает ряд действий, направленных на создание соответствующего образного средства, а в свою очередь под *когнитивным механизмом* подразумеваем «ментальное устройство преобразования организационной иерархии одних единиц в иерархию других» [цит. по: 6, с. 44]. Заключительным этапом предложенного алгоритма является *лингвокогнитивное моделирование значения соответствующей ОЛЕ*.

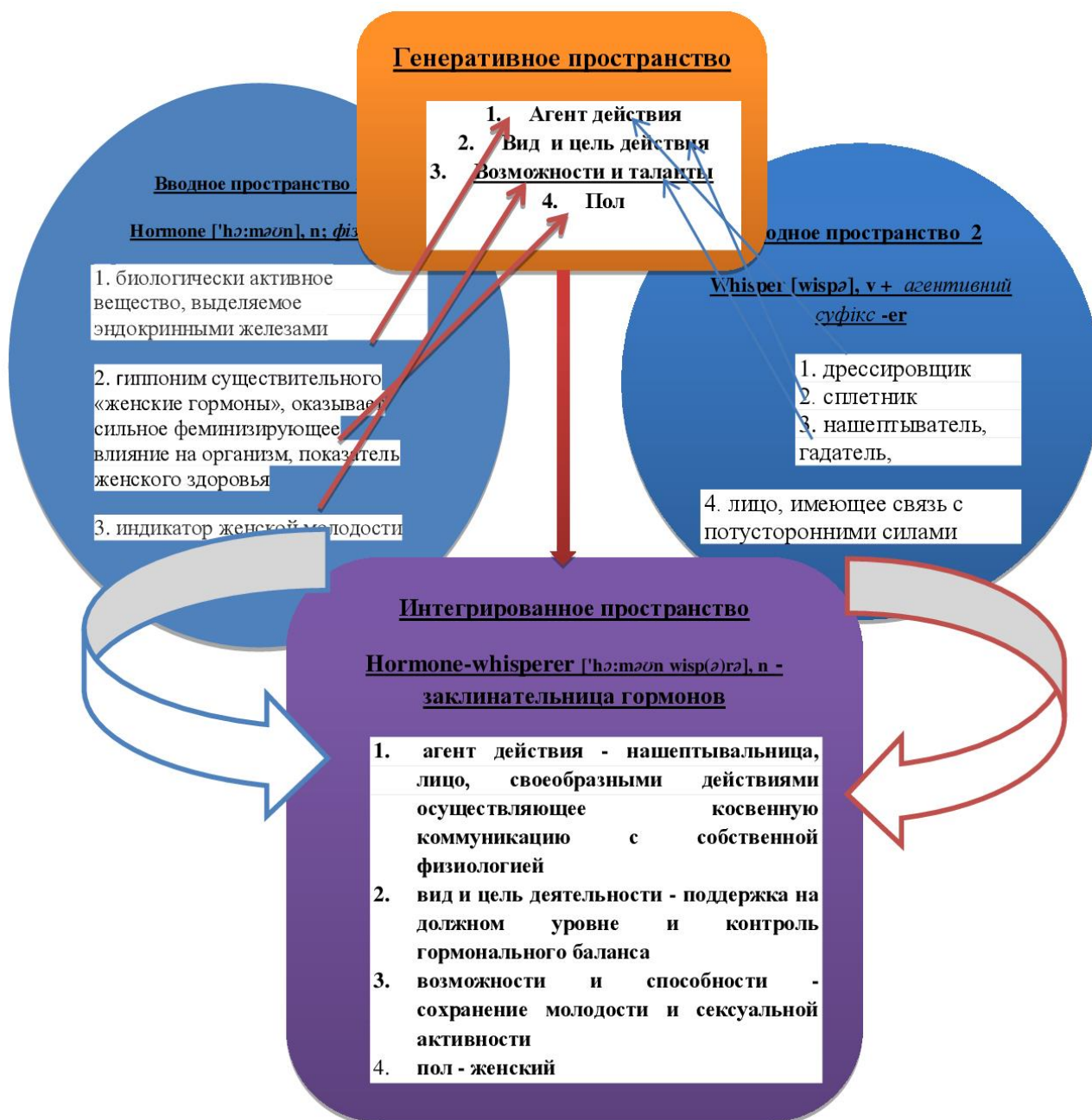
Проиллюстрируем когнитивное моделирование значения агрегированных окказиональных единиц в окказионально маркированном контексте: – *I'm on the one-a-day Fruity Pebbles plan. Women our age shouldn't joke about vitamins. – Women who are not our age shouldn't say "women our age". – Well, one day very soon you will thank me. I am leading the way through the menopause maze. With my vitamins, my melatonin sleep patches, my bioidentical estrogen cream, progesterone cream, a touch of testosterone. – She's the hormone-whisperer. – I am. I've tricked my body into thinking it's younger. Okay, go ahead, laugh. It's working. By the time you ladies are 50, I'll be 35* [24].

В приведенном ОМК употребляется окказиональный парасинтетический композит *hormone-whisperer*, образованный сложением двух оснований *hormone* и *whisperer* по модели $Nq + Nq + suf -er = QnN$. В основе

агрегированного ОЛЕ – *когнитивная процедура структурно-семантической аналогии* [4, с. 154], поскольку композит *hormone-whisperer* возник по аналогии с названием кинодрамы Роберта Редфорда “Horse-Whisperer” (Заклинатель лошадей), в которой главный герой является талантливым дрессировщиком лошадей), где понятие “horse-whisperer” является «прототипической конвенциональной схемой» [4]. В основе замещения элемента *horse-* прототипной единицы элементом *hormone-* лежит *когнитивная операция сравнения* полученной ОЛЕ *hormone-whisperer* с существующей лексемой *horse-whisperer*: женщина, которая принимает действенные меры для поддержания молодости, уподобляется искусному дрессировщику лошадей. Креативное образование применено Керри Брэдшо относительно Саманты, которая после достижения пятидесятилетнего возраста крайне сосредоточена на поддержании гормонального баланса, а, следовательно, вечной молодости и сексуальной активности. Таким образом,okkaзиональный парасинтетический композит обозначает многомерное понятие, основанное на «категоризации нового опыта в соответствии с определенными схемами» [4], навязываемыми «общим репозитарием знаний» [14]. Следующий этап когнитивного конструирования значения ОЛЕ – применение *когнитивного механизма аккумуляции смыслов*, что предусматривает проведение ассоциаций между компонентами значений элементов парасинтетическогоokkaзионального композита.

В результате интеграции двух вводных пространств возникает новое креативное понятие *hormone-whisperer*, что буквально может значить «Заклинательница гормонов». В когнитивном плане значение композита состоит из элементов двух вводных пространств, что схематически можно представить таким образом (рис. 1):

Интеграция ментальных пространств парасинтетического композита
“*hormone-whisperer*”

Вводное пространство 1 “*hormone*” представляет заменяемый элемент и касается показателей женского здоровья, тогда как вводное пространство 2 “*whisperer*” является “тождественным элементом» [4, с. 156] и содержит основное информационное наполнение прототипной единицы – «лицо, способное контролировать собственный гормональный баланс с целью сохранения молодости». Основанием для проведения ассоциаций между вводными пространствами служат компоненты их значения, а именно:

пространство 1: агент действия “*hormone*” – «неконтролируемое человеком активное вещество, которое служит индикатором женского благополучия»; пространство 2: вид и сфера деятельности “*whisperer*” – «дрессировщик» (прямое значение), «колдун, обладающий сверхъестественными способностями» (переносное значение). Поскольку гормоны являются неконтролируемыми человеку, актуализируется переносное значение вводного пространства 2: «колдун, заклинатель», с последующим конструированием значения интегрированного пространства «заклинатель гормонов». С помощью уточняющего контекста априори узнаем, что данная окказиональная единица характеризует персонажа женского пола, поэтому интерпретируем *hormone-whisperer* как «заклинательница гормонов». В то же время, указанная креативная ОЛЕ, образованная в результате интеграции двух вводных ментальных пространств, содержит юмористическое окраску («повелительница гормонов»), что служит отражением лингвокреативности в противовес производительности, ведь не предусматривает повторного применения.

Поэтому лингвокогнитивное моделирование значения агрегированной ОЛЕ, которое осуществлено на примере парасинтетического композита *hormone-whisperer*, иллюстрирует такой алгоритм создания агрегированных ОЛЕ: *когнитивная процедура структурно-семантической аналогии* → *когнитивная операция сравнения* → *когнитивный механизм аккумуляции смыслов* → *лингвокогнитивное конструирование значения ОЛЕ на основе ментальной интеграции вводных пространств*.

Итак, агрегированные ОЛЕ, как правило, выступают экспрессивными информационно-усложненными креативными образованиями, аккумулирующими когнитивные усилия и ассоциации говорящего в зависимости от его мировосприятия.

В итоге, мы приходим к выводу, что агрегированные способы словообразования, основанные на приращении фрагментов нового знания, показали самую высокую словообразовательную активность в корпусе

окказиональных единиц драмедии «Секс в большом городе». Специфическая проблематика сериала обусловила значительное количество композитов, образованных от ненормативных и нецензурных образующих оснований. Абсолютное большинство составляет словосложение, представленное аддитивными и парасинтетическими композитами, состоящими из генеративного компонента – ядра и референта, которые являются носителями кванта знания и в процессе приращения друг к другу, образуют новое информационное пространство. Значение композитных ОЛЕ является контекстуально-обусловленным и раскрывается в контексте.

Лингвокогнитивное моделирование значения агрегированной ОЛЕ, которое осуществлено на примере парасинтетического композита иллюстрирует такой алгоритм создания агрегированных ОЛЕ: когнитивная процедура структурно-семантической аналогии → когнитивная операция сравнения → когнитивный механизм аккумуляции смыслов → лингвокогнитивное конструирование значения ОЛЕ на основе ментальной интеграции вводных пространств.

Список литературы:

1. Богдан С. Епістолярні діалоги Лесі Українки як джерело реконструкції стереотипів міжособистісної комунікації та образів комунікантів: Агатангел Кримський. Леся Українка і сучасність. Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2008. Т. 4. Кн. 2. С. 315-337.

2. Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности: избранные психологические труды в 70 томах. М.: Российская академия образования, 2002. 688 с.

3. Бялик В.Д. Шляхи маніфестації мовного конденсованого знання // Науковий вісник Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія: Філологічні науки (мовознавство). 2014. № 2. С. 18-22.

4. Бялик В.Д. Лексичний квантор в англомовному публіцистичному дискурсі: автореф. дис. ... докт. філолог. наук: спец. 10.02.04 – германські мови. Київський національний лінгвістичний університет. К.: КНЛУ, 2013. 32 с.

5. Бялик В.Д. Телескопія як результат амальгамації лінгвоконцептів // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя. Серія: Філологічні науки. 2014. Вип. 1. С. 7-12.

6. Никитченко К.П. Лінгвокогнітивна природа способів оказіонального словотворення в англомовному постмодерністському художньому тексті: дис. ... канд. філол. наук.: спец. 10.02.04 – германські мови. Одеський національний університет ім. І.І. Мечнікова. Одеса, 2017. 274 с.

7. Пономарева О.Б. Когнитивные и прагма-стилистические аспекты семантической деривации голофрастических конструкций в современном английском языке // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 184-192.

8. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 222 с.

9. *A Comprehensive Grammar of the English Language* / Ed. by R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. London: Longman, 1985. 1778 p.

10. Adams V. *Complex Words in English*. London: Pearson Longman, 2001. 184 p.

11. *American Heritage Dictionary of the English Language* [Электронный ресурс] // Houghton Mifflin Harcourt [сайт]. 2018. URL: <https://ahdictionary.com> (дата обращения: 22.04.2018).

12. Bauer L. *Compounds and Minor Word-Formation Types* // *The Handbook of English Linguistics* / Ed. by B. Aarts, A. McMahon. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. P. 483-506.

13. Benczes R. *Creative Compounding*. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 206 p.

14. Dynel M. Blending the Incongruity-Resolution Model and the Conceptual Integration Theory: The Case of Blends in Pictorial Advertising // *International Review of Pragmatics*. 2011. Vol. 3(1). P. 59-83.
15. Hohenhaus P. Ad-hoc-Wortbildung. Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen. Frankfurt am Main: Lang, 1996. 505 p.
16. Hohenhaus P. How to Do even More Things with Nonce Words (Other than Naming) // *Lexical Creativity. Texts and Contexts*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 15-39.
17. Hohenhaus P. Lexicalization and Institutionalization // *Handbook of Word-Formation* / Ed. by R. Lieber, P. Štekauer. Dordrecht: Springer, 2005. P. 353-375.
18. Koveczes Z. Metaphor and metonymy in cognitive linguistics // *Cognitive Linguistics*. 2005. P. 13-34.
19. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 230 p.
20. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford University Press, 1987. 540 p.
21. Lieber R. English Word-Formation Processes. Observations, Issues and Thoughts on Future Research // *Handbook of Word-Formation* / Ed. by P. Stekauer, R. Lieber. Dordrecht: Springer, 2005. P. 375-427.
22. Plag I. Word Formation in English (Cambridge Textbooks in Linguistics). Siegen, 2007. 251 p.
23. Renouf A. Tracing Lexical Productivity and Creativity in the British Media: “The Chavs and the Chav-Nots” // *Lexical Creativity. Texts and Contexts*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 61-93.
24. Sex and the City Transcripts [Электронный ресурс] // SATC Transcripts [сайт]. 2018. URL: <http://www.satctranscripts.com> (дата обращения: 22.04.2018).
25. Volkmar L. Categories of Word-Formation. *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe* / Ed. by P.O. Müller. Walter de Gruyter, 2015.

Сведения об авторе:

Гайданка Диана Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина).

Data about the author:

Haydanka Diana Volodymyrivna – Senior Lecturer of English Philology Department, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine).

E-mail: dianak408@gmail.com.